

Почти 50 изданных романов.

Более 20 000 000 проданных книг.

Рубиновая звезда девятой величины в созвездии Близнецов (координаты: 98,97930/19,13706, расстояние от Солнца — 97,4 световых года).

Приз читательских симпатий (Одесса, 1997).

Почетная премия харьковского фестиваля «Звездный мост» (1999).

Там же — «Золотой кадуцей» (2005).

«Золотой шлем» — от фонда РФ «Третье тысячелетие» (Москва, 2000).

Престижная «Аэлита», вручаемая за вклад в фантастику (Екатеринбург, 2004).

Премия «Фантаст года», определяемая по результатам объективных маркетинговых исследований (Москва, «Роскон-2004»).

Черный пояс в номинации «Мастер Фэндом» — за боевой эпизод из романа «Человек боя»!

Это все — Василий Головачев.

Имя писателя внесено в российскую Книгу рекордов Гиннеса (2005).

Он удостоен медалей:

имени А. А. Фадеева,
имени А. В. Суворова,
от Союза космонавтов (за вклад в российскую фантастику);

наконец, он кавалер Ордена рыцарей фантастики — редкого и красивого ордена, учрежденного в Екатеринбурге наследниками известного знатока фантастики, замечательного библиофила Игоря Халымбаджи.

2

Смена режимов.

Перекодировка понятий.

Стремительная смена идеологических, нравственных, эстетических парадигм.

Давно ли мы все метались в перестроечном хаосе? Давно ли не понимали, почему в собственной стране живет гораздо трудней, чем далеко за ее окраинами? Давно ли с изумлением взирали на государственный корабль, постоянно теряющий курс, кружащий на месте,двигающийся неизвестно куда по воле расслабленных капитанов?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
мечта мила была как дальность,
и только в песнях, да в лад с поэтом
любили вы оригинальность?

Валерий Брюсов в начале XX века задавался теми же вопросами.

Литература остро и быстро откликается на любые социальные потрясения.

В СССР в семидесятые, в восьмидесятые годы прошлого века можно было по пальцам пересчитать вышедшие в свет оригинальные фантастические книги, а с началом перестройки на читателей обрушился настоящий книжный поток.

К сожалению, мутный.

Открылись все шлюзы, к перу кинулись все, кому литература казалась легкодоступной. Миллионные тиражи талантливой, но больше халтурной переводной литературы смешались с такими же миллионными тиражами книг отечественных — иногда талантливых, но большей частью тоже халтурных.

Вдруг выяснилось, что заниматься литературой нелегко.

Правда, одновременно выяснилось и то, что литературу можно превратить в нечто чисто коммерческое. *Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно.* Это перестало срабатывать. Может, самым типичным фантастическим произведением периода великой ломки стал роман «Безвременье», написанный Виктором Колупаевым в соавторстве с Юрием Марушкиным и опубликованный в Томске тиражом в 75 экземпляров. Действие этого странного романа начиналось в сингулярности (если такое можно представить) и охватывало все Время и Пространство. «Более того, — любил добавлять Виктор, — оно прихватывает и ту Вселенную, которая будет после ее конца».

Работая над романом, Виктор сажал картош-

ку на мичуринском участке, как называют в Томске дачи.

Надо было жить.

Смутные времена, смутные мысли.

В преддверии разрухи, невнятности, годами дрящущегося стресса российские фантасты почти поголовно увлекались романтикой звездных походов, проблемами Контакта, реалиями невозможных миров. По разным причинам их прежде всего интересовало то, что лежало в тени, как бы за пределами существующего режима. Заглянуть в будущее, не интересуясь настоящим, — только Иван Ефремов да братья Стругацкие нашли в себе силы не бояться настоящего, касаться реальных социальных проблем. Царствовал эзопов язык, требовавший особой стилистики.

И вдруг внешнее давление почти полностью исчезло.

На фантастов обрушилась та самая свобода, о которой они мечтали.

Пиши о чем хочешь, исследуй что хочешь, анализируй любые миры! Все открыто!

А в ответ — невнятица. Поистине произведешь Валерия Брюсова в провидцы. Свобода оказалась главным, может, самым нелегким испытанием. Одни писатели замолчали, потеряв привычные ориентиры — ведь ни партия, ни верные ей критики уже не указывали правильную дорогу; другие на многие годы, а то и навсегда ушли в переводы («*Перевожу одиночество на латинский*»); третьи попытались освоиться за пределами привычного жанра.

Сам эзопов язык стал не нужен.

К счастью, не всех писателей это сбilo с толку.

Не всех развратили новые издатели, охотно и щедро оплачивавшие ординарную, зато быстро и легко срабатывавшую халтуру. Не всех распу-гали агрессивные критики, еще менее, чем фан-тасты, понимавшие, *каким* теперь должен быть жанр, выживет ли он в таких необычных услови-ях? В России писатели веками творили с огляд-кой на власть. Государственных культурных про-грамм за всю историю России можно насчитать хорошо если с десяток, зато чуть ли не каждое по-коление испытало на себе тяжесть тех или иных экспериментов, опасных для совести, опасных для жизни.

Но устоявшие всегда есть.

Среди устоявших оказался и Василий Голова-чев.

«Василий Васильевич выглядит именно так, как и должен выглядеть, — писал в газете «Книж-ная витрина» критик Валерий Иванченко. — Он похож на инженера. Жилистый, с головой вырази-тельной лепки, с чуть надменным выражением ли-ца. Возможно, он выглядел бы аутентично в гене-ральском мундире или в тоге римского сенатора, однако совокупность мимики, жестикуляции и ма-неры речи выдает в нем того, кем он, в сущности, был и остается: руководителя крупного конструк-торского бюро. Только он сейчас работает в оди-ночку. И конструирует не технику, а миры».

Не технику, а миры. Важное уточнение.

На многочисленных интернетовских фору-мах выход новых книг Василия Головачева неиз-

менно сопровождается бурными всплесками эмоций, ожесточенными спорами и дискуссиями. Хулителей много, почитателей еще больше. И практически никого, кто захотел бы всерьез разобраться в состоянии нынешней фантастики, в ее разветвленных тропинках и замусоренных фантастических городах. Сегодня фантаст Головачев, может, самая заметная фигура Сети и фэндома. Истина в сетевых спорах (впрочем, как и во всех других) не рождается, зато у писателя есть прямой выход на многомиллионную аудиторию. Многие сегодня пишут интересно, но книги их все равно выходят мизерными тиражами. Почему? Многие пишут запредельно плохо, но в метро их книги в руках у каждого второго. Тоже — почему? Вообще нужна ли книга, которую, читая в метро, потом выбрасывают в мусорный бак?

На какой-то встрече Василию Головачеву крикнули:

«Ваши-то книги как раз в метро и читают».

Он ответил: «Да! Но, прочитав, не выбрасывают, а приносят домой и ставят на полку».

3

Итак, человек Цели.

Каждый охотник желает знать...

Может, у Василия Головачева за плечами Кембридж, лекции профессоров Сорбонны и Стэнфорда, многолетний опыт работы в НАСА, годы

послушания в тибетских монастырях или служба в некоем закрытом «спецназе»? Что, собственно, приводит человека к Цели? Советский Союз был огромной страной. Укромных уголков в Советском Союзе было не счесть. Так откуда чаще всего приходили в литературу счастливики?

Из Москвы?

Из Ленинграда?

Из Киева, Риги, Таллина?

Откуда? Полистайте энциклопедии.

«Поэт рождается в провинции, а умирает в Париже».

В случае с Василием Головачевым провинция — это поселок Жуковка.

Брянская область. Самый что ни на есть укромный, отдаленный край. Глухой, покрытый лесами. В годы Отечественной войны — партизанский. До сих пор густо изрытый поросшими травой и кустами противотанковыми рвами, окопами.

Здесь 21 июня 1948 года родился Василий Головачев.

4

ВВГ:

«Начала жизни не помню.

Мама и бабушка говорили, что в детстве я был послушным мальчиком.

Не сильно этому верю, потому что эпизод, запавший в память, связан как раз с активным непослушанием, ну и с прочими некрасивыми под-

робностями жизни. Не пошел в школу, прогулял уроки, присоединился к приятелям, давно и твердо числившимся в местных хулиганах. Бросив портфели в колючих кустах за общественным туалетом в парке напротив вокзала, мы отправились «путешествовать» по Жуковке.

Замечательное занятие!

Ничего интереснее не придумать!

Но когда мы вернулись к вечеру все к тем же колючим кустам, портфелей там не оказалось. Не было их там! Исчезли портфели! Мы поверить не могли. Мой приятель Вовка Абуцин даже в выгребной яме шарил палкой — вдруг портфели туда завалились каким-то образом?

Портфелей так и не нашли, зато нас «нашла» милиция.

Это был мой первый привод в органы, к счастью, и последний.

Не скажу, что после этой истории я стал паймальчиком, но в занятиях подтянулся, четверки стали для меня редкостью. А все потому, что к этому времени я увлекся физикой и астрономией. Возник к ним какой-то особенный интерес.

Еще я любил решать задачи, неплохо знал химию».

5

Из провинции мир виднее.

Звезды над провинцией всегда ярче.

Это общеизвестно, об этом говорили и писали не раз.

Может, в провинции не хватает общения, может, жизнь там грубее, проще, люди менее проницательны, опыт у них там прозаичней, чем у горожан, — зато в любой советской провинции всегда были книги.

6

ВВГ:

«Читать начал рано.

Понятно, поначалу сказки.

Прежде всего «Приключения Буратино», «Лоскутик и облако», «Путешествие Нильса с дикими гусями», «Старик Хоттабыч», само собой, «Приключения Гвоздика». К научной фантастике пристрастился в классе восьмом, а первую собственную библиотечку начал собирать в девятом. Началась она с тоненькой книжки, купленной за «свои» деньги. Родители давали по 10—15 копеек на пирожки, я на этих пирожках экономил. Научно-фантастические рассказы Севера Гансовского из той тоненькой книжки («Шаги в неизвестное») стали для меня настоящим открытием. Они вдруг включили мое собственное воображение.

Фенимор Купер, Майн Рид, Генри Хаггард, Жюль Верн, Герберт Джордж Уэллс.

«Приключения Робинзона Крузо» и «Таинственный остров» я перечитывал много раз. Страшно любил Вальтера Скотта, «Айвенго» мог читать наизусть большими кусками. Обожал новеллы О’Генри, особенно «Дары волхвов». Среди

любимых были рассказы и повести Джека Лондона «Прибой Канака», «Смок Белью» и, конечно, замечательный «Странник по звездам». «Смерти не существует. Жизнь — это дух, а дух не может умереть. Только тело умирает и распадается на свои составные химические части, которые вечно неустойчивы, вечно в брожении, вечно кристаллизуются лишь для того, чтобы снова расплавиться и распасться, а затем вылиться в какие-то новые, отличные от прежних формы, столь же эфемерные и столь же хрупкие. Один только дух вечен и через ряд последовательных и нескончаемых воплощений поднимается все выше к свету. Кем стану я, вновь возродившись в жизни? Как знать? Как знать...» Эти слова завораживали.

А потом Александр Дюма. «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо».

А потом «Красные дьяволята», «Зеленый фургон», «Бронепоезд 14-69».

А потом Ремарк с «Тремя товарищами», книги о настоящей войне — ведь я вырос в партизанском краю. Книги Георгия Бакланова, Юрия Бондарева, «Железный дождь» В. Курочкина, «Дот» и «Баллада об ушедших на задание» Игоря Акимова.

И все же по-настоящему захватывала фантастика.

«Туманность Андромеды» и «На краю Ойкумены» Ивана Ефремова. «Страна багровых туч» и «Далекая радуга» братьев Стругацких. «Гриада» А. Колпакова, «Черные звезды» В. Савченко.

«Звездоплаватели» Г. Мартынова. Я читал все это с жадным интересом, читал все подряд, хотя уже тогда инстинктивно тянулся прежде всего к книгам о космосе, о будущем, о звездах. Даже решил по окончании школы поступить в Одесский астрономический институт.

Сейчас понятно, что шестидесятые годы XX века оказались для мечтающих о путешествиях в будущее просто золотым дном. Научной фантастики было немного, но она печаталась в различных научно-популярных журналах, сборниках, альманахах. Повести и рассказы непохожих друг на друга писателей свободно соседствовали с литературой документальной, ничуть не мешали друг другу. Геннадий Гор и братья Стругацкие, Зиновий Юрьев и Петроний Амадуни, Владимир Охотников и Георгий Гуревич, Владимир Обручев и Север Гансовский, Александр Шалимов и Георгий Мартынов, Владимир Немцов, Александр Казанцев...

Помню, как страницу за страницей читал «Калисто».

На улице стояла жара — за тридцать. Тишина, даже трава повяла. А я лежу на холодном деревянном полу (у нас был собственный бревенчатый дом) и читаю книгу, полную необыкновенных тайн и приключений! Потом почти насильно отрываюсь от чтения — не спеши, мол, не спеши, а то даже такая толстая книга вот-вот закончится! — и выскакиваю во двор. Позагораю минут пять, отдышусь от напряжения, обольюсь водой из бочки, и — снова за книгу!»

ВВГ:

«Конечно, личная библиотечка росла медленно.

А знать хотелось обо всем! И знать прямо *сейчас*, ничего не откладывать на будущее! Вот и пришлось прибегнуть к давным-давно испытанному способу: сам начал придумывать всякие интересные вещи, фантазировать на темы, которые меня особенно волновали. В итоге в стенгазете жуковской средней школы начали появляться неприхотливые сказочки и фантастические рассказы Васи Головачева, не выдерживавшие, конечно, никакой критики. Впрочем, в то время я и не слышал про существование каких-то там критиков. Это сейчас они не спускают с меня глаз, не заметить их невозможно. Мама рассказывала, что я собирал вокруг себя всех ребятшек с нашей улицы. Многие были моложе меня. Вот им я и рассказывал с упоением самые невероятные (понятно, выдуманные) истории о морских тайнах, о путешествиях в неизведанные края, о таинственных сокровищах и кладях, хотя больше всего меня тянуло к звездам. Любил пересказывать своими словами повесть Владимира Савченко «Черные звезды», а рассказ «Вторая экспедиция на странную планету» вообще числил среди самых любимых. Толчок воображению давали рассказы и повести Анатолия Днепрова, Александра Шалимова (особенно «Беглец» и «Призраки ледяной пустыни»), Георгия Гуре-

вича. С первого чтения мне безумно понравилась повесть Вадима Шефнера «Круглая тайна» и роман «Лачуга должника». А вот книги Геннадия Гора, Вадима Охотникова, Владимира Немцова, Леонида Платова, Игоря Забелина привлекали меньше. О космосе и о времени они писали меньше других, потому и не заняли особого места в «звездном фонде» моей памяти.

Правда, в романах, посвященных непосредственно космическим путешествиям, тоже не всегда все оказывалось так, как хотелось. Например, до сих пор помню ужасное разочарование от романа Владимира Владко «Аргонавты Вселенной».

«Астроплан описывал на поверхности моря широкий полукруг, все время замедляя свою скорость. Он приближался к Ахтарску, проплывая мимо усеянных людьми берегов. Медленнее, медленнее — и вот он совсем остановился. Его отделяло от берега не более ста метров. Грянула музыка. Но ее звуки заглушила буря радостных выкриков, приветствий, гром рукоплесканий, которыми люди встречали первый в мире космический корабль, возвратившийся из далекого путешествия.

В верхней части астроплана откинулся люк.

Сейчас, сейчас из него покажутся участники экспедиции!

Но из люка никто не выходил. Люди на берегу замерли в напряженном ожидании. Сразу стало так тихо, что звуки оркестра показались неимоверно громкими. Лишь волны плескались у ог-

ромного металлического тела астроплана. Почему никто не выходит из корабля?

Но вот из открытого люка астроплана выдвинулись две тонкие мачты.

Они поднимались все выше. Широкие красные полотнища медленно проплыли вверх. Над астропланом развернулись красные флаги — СССР и Китая. Они победно реяли в воздухе, как приветствие от путешественников, возвратившихся из глубин мирового океана».

Меня будто обманули.

Даже для тех времен это выглядело неестественно.

То ли дело книга братьев Стругацких «Страна багровых туч»!

До братьев Стругацких никто не писал так интересно, так убедительно, без всякого этого вранья о красных флагах СССР и Китая, даже любимый мною Александр Беляев. Правда, лучшей повестью о полете на Венеру я все равно считал «Сестру Земли» Георгия Мартынова».

8

ВВГ:

«Первым моим собственным фантастическим произведением стал крошечный рассказец, написанный для школьной стенгазеты. Содержания его я не помню, но думаю, посвящен он был тоже Космосу. О Космосе был и другой рассказ — «Пришествие», позже напечатанный в институт-

ской газете «Радист». Все это, конечно, были робкие пробы пера. Только рассказ «Великан на косогоре», напечатанный в 1969 году в газете «Студенческий меридиан» (позже газета стала журналом), кажется мне получившимся».

9

Из off-line интервью В.В. Головачева:

— Очень удивлен, что в библиографии ваших работ нет самого моего любимого произведения «Великан на косогоре». Этот рассказ когда-то произвел на меня огромное впечатление, даже повлиял на выбор профессии. Правда, не понимаю, как это мог ваш герой после таких своих замечательных слов: «Полина! Полина! Любовь моя, жизнь моя и боль моя. Через все чудеса космоса и обыденность работы я пронес твой взгляд!» — как он мог после таких слов полюбить какую-то совсем другую женщину?

— У человечества до сих пор нет рецептов, как не разлюбить женщину, которую любил раньше. Жизнь демонстрирует нам колоссальное разнообразие отношений, связанных с идеалами личности. И если мужчина вдруг (с нашей точки зрения) полюбил другую женщину, то не стоит искать за этим чью-то вину. Никакой вины может не быть. Все может объясняться другим, более подходящим для данного человека психологическим типом партнера.

10

ВВГ:

«Поступил я не в Одесский.

Поступил я в Рязанский радиотехнический.

Кстати, в Рязани единственный раз в жизни я видел серым осенним вечером странный объект в тучах: некое овальное черное пятно, бросающее на город странный луч, не расширяющийся книзу, как луч прожектора, а, наоборот, сужающийся...

Инженер-конструктор радиоэлектронной аппаратуры — это звучало.

Мысль о том, что я могу стать писателем, даже в голову не приходила.

Правда, я сочинял фантастические рассказы, даже печатал их в институтской малотиражке «Радист». Но, конечно, больше *читал*. Жадно поглощал чужие книги. Только в 1972 году (после окончания института), когда я восемь суток ехал в неторопливом пассажирском поезде из Москвы во Владивосток (служба в Советской армии не являлась обязательной, так как в институте была военная кафедра, но почему-то я решил пройти это испытание, и жена, как это ни странно, не возражала), вдруг пришла в голову мысль написать повесть.

Именно научно-фантастическую!

Вот я и начал писать — в вагоне, на верхней полке, при свете слабого ночника.

Начал в поезде, в 1972 году, а закончил... че-

рез пять лет. Понятно, сразу встал вопрос: а что делать с рукописью? Для газет явно велика, а про журналы я как-то не думал. По совету друзей пошел в издательство «Проминь» — в Днепропетровске, куда я переехал с семьей после армии. Иллюзий не строил. Времена были сложные не только для фантастики. С этой точки зрения судьба повести оказалась как бы «обычной»: повесть с ходу зарубил киевский писатель-фантаст И. Росоховатский. Сделал он это грубо, с нескрываемой неприязнью к молодому автору.

Это меня обидело.

Решил не сдаваться, не отступить.

Пошел к редактору и потребовал отдать повесть другим, более объективным и авторитетным рецензентам. Видимо, И. Росоховатский к тому времени многих достал — редактор с молодым автором согласился и послал повесть в Харьков писателю Юрию Никитину, а потом в Москву Сергею Павлову.

И тот, и другой прислали положительные отзывы.

Так в 1979 году первая моя книга — «Непредвиденные встречи» — вышла в свет!»

11

Твердый переплет.

Неплохие рисунки художника В. Гончаренко.

На титуле: *«...с дружеской завистью и пожеланием дальнейших и крупных успехов».*

Не помню, чему Василий мог тогда завидо-

вать. Еще раз напомню: времена для фантастики были не лучшие. Почерк четкий, летящий. Он не изменился у Василия до сих пор. В аннотации указано, что автор работает (работал) руководителем конструкторской группы, а рассказы его публиковались в газетах Рязани, Уссурийска, Днепропетровска, в журналах «Техника — молодежи», «Студенческий меридиан», «Знания та праця», в московском сборнике «Фантастика-78».

«С высоты двух тысяч километров пушистый шар планеты казался клубком желтого тумана, переливчатым и мягким. Едва видимый сквозь густое месиво атмосферы единственный материк опоясывал его по экватору сизой, удивительно одноцветной полосой, разобрать что-либо на которой оказалось невозможным даже в фотооптические преобразователи».

Тем не менее (таков уж жанр!) Росс — математик и помощник командира земного трансгалактического судна — без особых трудов обнаруживает на только что открытой планете неизвестный корабль.

«Стоял он неподалеку от неровной черной стены Города, висели над ним паутины — одна над другой, еще несколько паутин плыли от Города, и Росс не стал рисковать — сел подальше от корабля. Сначала он использовал все диапазоны радио и светосвязи, рассматривая тупой нос и связку цилиндров (двигатели?) чужого звездолета, окруженного невысокими свечеобразными скалами. Потом навел деформатор на группу скал возле кормы корабля и нажал на спуск. Гро-

хот расколлот тишину, и скалы рассыпались синим дождем осколков. Из расщелин оставшихся скал выползли сизые клубы пыли и скрыли от взора очертания корабля. Зеленоватая мгла затянула все вокруг, стало почти темно. Росс окружил «черепяху» куполом защитного поля, заметив, как паутины торопливо улетают прочь, высадил из грузового отделения робота технической службы и вылез сам. Он решил подождать несколько минут, а потом идти к кораблю, надеясь на свои защитные средства.

Пыль голубым налетом осела на скалы, почву, корпус робота, и когда терпение Росса иссякло, из-за кривых каменных столов вдруг донесся топот бегущего человека. В просветах замелькало что-то белое, и на ровное место выскочил маленький человек в просторном белом балахоне, огромной каске под прозрачным пузырем шлема и с тяжелым излучателем в руке, скорее всего лазерным. Увидев две зеркальные уродливые фигуры, он круто затормозил и выбросил вперед руку с излучателем. Не будь рядом робота-охранителя, Росс, наверное, и сам среагировал бы соответственно, но внутри металлической фигуры робота что-то зашелестело, и пространство между обоими людьми затрепетало и исказилось.

— Отставить, — спокойно сказал Росс, и робот послушно снял поле.

Глаза у незнакомца были дикими, быстрыми, и весь он казался нервным и порядком растерянным. Он явно не знал, кто перед ним, и переводил взгляд с одной фигуры на другую.

— «Могиканин»? — спросил Росс, включая внешний звуковой передатчик.

Человек вздрогнул, закивал головой и что-то горячо заговорил, показывая рукой то на снующие паутины, то на свой корабль.

— Я вас не слышу, — сказал Росс. — Давайте в кабину, там безопаснее».

Я привел такую большую цитату потому, что в повести «Непредвиденные встречи» угадываются приемы многих будущих работ Василия Головачева — начиная от принципа образования собственных имен героев, кончая подробными описаниями далеких чужих миров. Можно сказать, в первой крупной вещи Василия Головачева сразу определилось его будущее писательское дыхание. Сами темы, подход к ним — все это позже отчетливо проявится и будет развито в романах серии «Реликт»: в «Пришествии», в «Возвращении блудного конструктора», в «Детях вечности» и «Контрразведке», наконец, в «Законе перемен».

«Сознание вернулось, как после щелчка переключателя. Тело еще помнило тяжесть удара и напряглось в усилии сбросить с себя эту тяжесть, но Грехов уже понял, что кошмар кончился, и расслабил мышцы.

Он находился внутри слабо освещенного сетчатого мешка. Свет был голубой и неровно пульсировал, то сжимая свободное пространство, то расширяя. Какие-то стремительные контуры мелькали за полупрозрачными стенами мешка, словно он летел с огромной скоростью над скала-

ми, но движения Грехов не ощущал. Сориентировавшись, он попытался двинуться с места и тут же почувствовал стремительное падение. Еще через несколько секунд он стоял на подгибающихся ногах в круге фиолетовых скал, а рядом тихо опускался призрак — серое переливчатое облако, просвечивающее по краям, как пелена тумана.

«Снова серый призрак... И тогда, после гибели Сташевского... и сейчас... Что это?.. Или, может быть, кто?»

Словно в ответ на мысли Грехова серый призрак грузно осел, словно его заполнили водой, а из его прозрачного нутра выбрался... человек в голубом трико, без скафандра, и направился к Грехову. Остановившись, он разглядывал его, словно наслаждаясь достигнутым эффектом, и Грехов вдруг понял, что видит самого себя. Секунду он стоял, оглушенный, потом глубоко вздохнул, заставляя тело повиноваться, и сказал:

— Кто вы? И где мои товарищи? Почему я один?

Лицо незнакомца не дрогнуло.

— Я рад, что вы хорошо владеете собой, — произнес он с интонацией Сташевского. — Всех спасти было невозможно, а вас я уже знаю, еще с первого вашего похода по Тартару. К сожалению, мы не всегда имеем возможность вовремя прийти на помощь. Ну, а кто я? Попробую объяснить вам ситуацию. Я мог бы предстать перед вами в любом материальном облике, но выбрал тело человека, ваше тело, чтобы контакт был более естественным.

— Вы — житель планеты?!

— Я — Сеятель. Родина моя так же далека отсюда, как и ваша. И нахожусь я здесь по той же причине, что и вы, люди, — изучаю жизнь Таргара. Буду краток, ибо живу я быстрее, чем вы, и секунда для вас — это день для меня. В моем распоряжении минута вашего времени, меня ждут...»

Начинаются тайны.

Правда, пока на фоне вполне привычном.

«Станция уплывала в тень планеты. Гасли один за другим серебристые обручи заката, надвигался холод беззвездной и безлунной ночи пылевого облака. И Молчанов вдруг ощутил бездну, не бездну пространства — бездну человеческих тревог и страданий, через которую прошло и пройдет еще человечество, бездну страданий и тревог, без которых немислим путь в будущее, и показалось ему, будто все двадцать миллиардов человек Земли стоят за его спиной».

12

Приехав в новосибирский Академгородок (служебная командировка), Василий не преминул разыскать меня. Мы уютно устроились в моей квартире, тогда еще на улице Золотодолинской, в компании тибетского кота Гомбоджапа Цыренджаповича. Тянули сухое, обменивались информацией. Гомбоджап Цыренджапович внимательно прислушивался. Он был лично знаком со многими знаменитыми советскими фантаста-

ми: с Сергеем Александровичем Снеговым и Георгием Иосифовичем Гуревичем, с Дмитрием Александровичем Биленкиным и Евгением Львовичем Войскунским, с Юрием Яровым и Михаилом Михеевым, и еще, и еще с кем-то. К молодому Василию Головачеву Гомбоджап Цыренджапович тоже отнесся с интересом.

Причины для такого интереса были.

У меня цензура только что «зарубила» на корню очередную книгу; печататься было негде, перспективы на будущее просматривались с трудом. У Василия сложности с публикациями (как и у многих других фантастов того времени) приняла какой-то слишком уж затяжной характер. Но вот странно! — при той первой встрече мы говорили не о том, где бы нам поскорее напечататься, и не о том, где бы нам отыскать удобную нишу, и даже не о тех мы говорили, кто по каким-то своим «высшим» причинам ставит своим же писателям бесконечные бессмысленные препоны. Нет, говорили мы о написанных и еще только задуманных вещах, о прекрасных странностях фантастики, о старых книгах, которые для нас никогда не являлись «старыми», вспоминали далекий брянский поселок Жуковку и такую же глухую сибирскую железнодорожную станцию Тайга, на запущенных улицах которых мы выросли. Поощряемые понимающими взглядами Гомбоджапа Цыренджаповича, мы прикидывали (не могли не прикидывать), что ожидает человечество (именно *человечество*, а не нас с Васей лично) в ближайшую тысячу лет, а то и в

тысячу тысяч лет. Мы были неглупые ребята: знали о работах Римского клуба, новые экономические и политические идеи были нам ничуть не чужды, научная литература — тем более.

Гомбоджап Цыренджапович слушал с интересом.

Слова *ускорение, гласность, перестройка* даже ему тогда не приходили в голову.

13

ВВГ:

«Тяга к книгам, вообще к литературе никогда не мешала мне оставаться, так сказать, вполне нормальным человеком. Меня все интересовало. Интересно было жить. В детстве я катался на велосипеде, ходил по грибы (любимый вид охоты), стремительно скатывался на лыжах с крутых заснеженных обрывов противотанкового рва под Жуковкой, участвовал в турпоходах, занимался легкой атлетикой, а в каком-то классе запустил тяжелую гранату так далеко, что мне даже дали грамоту.

Спорт мне нравился. Интересно было подчинять тело упражнениям.

От легкой атлетики я, правда, скоро отошел, потому что понял: все ее виды воздействуют лишь на определенные группы мышц, а я жаждал гармонии. Поэтому всерьез занялся волейболом. В Рязани играл за сборную института, горо-

да, области. Проходя службу под Уссурийском в поселке Пограничный (офицер ПВО, с 1972 по 1974 год), выступал за сборную Владивостока, затем за сборную Хабаровского края. Заработал звание мастера спорта. По возвращении на гражданку, уже в Днепропетровске играл за команду мастеров «Сталь», тренировал волейболистов института «Металлургавтоматика». Параллельно активно боксировал, увлекался карате. И ушел из большого спорта только из-за травмы: начало донимать дважды прооперированное колено (мениск)».

14

Из off-line интервью В. В. Головачева:

— *Вы знакомы с Николаем Кудряшовым, создателем системы, именуемой гиперборейской?*

— Да, знаком. Даже встречался, беседовал. Правда, то, что он называет «гиперборейской системой рукопашного боя», на самом деле является всего лишь его личной реконструкцией некоторых старинных практик. Они не всегда адекватны, но всегда интересны.

— *Почему, рассказывая о Русском бое, вы не упоминаете в своих книгах о самой действенной из систем — системе Кадочникова?*